

Один современный поэт заявил, что женщина не может создать в искусстве ничего выдающегося. Этот поэт очень любит, когда говорят о нем, но мы будем говорить сегодня о Новелле Матвеевой. Создала ли она великое — судить не нам, это покажет время. Но то, что ее творчество есть постоянное соприкосновение с великим и высоким, для меня — истина. И вот с чего все начиналось. Новелла Матвеева говорила, что в детстве огромное впечатление производили на нее песенки, которые звучали в радиопостановках. Композиторы и поэты сочиняли их от лица героев великих авторов. Им удавалось выдержать конкуренцию, и мы действительно верили, что такая песня может быть спета от лица героев Шекспира или Сервантеса. Тут, по-видимому, были истоки песенного творчества Новеллы Матвеевой.

Я очень живо представляю себе, к примеру, как песня

но сама все-таки не верит тому, что болтают эти трубы, и говорит: «вы еще стары, а мы уже юными стали, хоть мы узнали самую старую боль». Она убеждена, что мы можем вновь стать юными, если у нас обновится душа. Таков ее подход к жизни — здоровый, ясный, оптимистичный.

В самые сумеречные годы застоя Новелла сочинила песню: «Когда потеряют значение слова и предметы, на землю для их обновления приходят поэты». Думаю, тут она имела в виду не одних только поэтов, но и тех, кто сейчас политику выверяет поэзией. Она замечательно изобразила абсурд бюрократизма: «Кругом суета — мышшь ловит кот, к месту рукава пришиты, у всякой букашки ищет защиты бедный великан». Воистину, когда надежда и острый юмор сосуществуют в песне, это придает человеку силы!

Благодаря оптимизму Новеллы Матвеевой, кажется, что она живет совершенно безбоязненно. Между тем жизнь ее с детства временами была похожа на страшную сказку со счастливым концом. У Матвеевой неважное здоровье, но даже во время болезни она поет. Новелла придумала такое выражение: «стихотерапия». Ее стихи и песни действительно способны лечить от невзгод.

Новелла очень строга в своих взглядах, категорична, но в конечном счете все ее строгие правила можно свести к тому, о чем писал Лев Толстой в своей статье «Что такое искусство». По его убеждению, три чувства, распространенные в поэзии, не представляют никакого интереса: это — гордость, похоть и «тоска жизни». В песнях Новеллы Матвеевой их не встретишь вовсе. В каждом ее произведении звучит чувство целостности мира, единства со всем человечеством, единства с нашим прошлым и будущим, со всеми природными и часовыми поясами нашей Земли и страны.

Валентин БЕРЕСТОВ.

В закатных тучах красные прорывы,
Большая чайка — плаваний сестра —
Из красных волн выхватывает рыбу,
Как головню из красного костра.

Двумя клинками сшиблись два теченья,
Пустился в пляску ящик от сигар.
И, как король в пурпурном облачении,
При свете толпы красен кочегар.

Мы — капитаны, братья-капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Задорным килем море пропороли
И пропололи от подводных трав.

Но кораблям, что следуют за нами,
Придется драться с теми же волнами
И скрежетать от той же самой боли,
О те же скалы ребра обобраз.

На что, на что смешишь веселый лоцман,
Но даже он стирает пот со лба:
Какую глубь еще покажет лот нам,
Какую даль — подозрительная труба?

Суровый юнга хмурится тревожно
И апельсин от грубой кожеры
Освобождает так же осторожно,
Как револьвер от грубой кобуры.

Мы — капитаны, братья-капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Но кораблям, что следуют за нами,
Не встретят в море нашего следа.

Нам не пристали место или дата,
Мы просто были где-то и когда-то,
Но если мы от цели отступали,
Мы не были нигде и никогда!

«Америка», написанная лет пять-шесть назад, могла бы прозвучать в радиопередаче о недавней встрече в верхах, когда начался исторический поворот в отношениях между нашими державами. Думаю, уместными были бы в этой передаче такие слова: «За синими горами, за синими морями там разметалась, разлеглась огромная страна... с полями для работы, с лесами для охоты, с домами, полными заботы, и печали, и торжеств, там статуя Свободы на благо всем скитальцам попала в небо дальцем, сделав свободный жест. Но там живут герои: и матросы, и ковбои, и киноактеры, и шахтеры, и поэты, и ткачи, и летящая песня, которую поют они, — над фермами, каютами, над шахтами в ночи...»

Как-то в Подмоскovie, в искоженном и истоптанном лесу, я заметил купальницу — маленькую золотую розу, и так боялся, что цветок сорвет кто-то из прохожих. Вдруг увидел человека, который шел по этой тропинке. Он нес в руке транзистор, крутил его, и от легких касаний пальцев мгновенно сменялись страны и континенты. Человек прошел мимо, а цветок остался. Я подумал тогда, что и через меня проходят эти песни, и через цветок, и если уж бездушный аппарат способен вобрать в себя целый мир, то почему бы это не сделать поэту? Кажется, что Новелла Матвеева принимает волны, идущие от всего мира, от всех континентов, идущие от дальних времен, а может быть, и из будущего.

Стихи и песни Новеллы Матвеевой глобальны, планетарны, это всегда какое-то путешествие. Даже метафора в ее песне о подмосковной прогулке — тоже путешествие. Раз — и вы попадаете из среднерусского ноябрьского дня на картину фламандского художника, еще один шаг — и вы

где-то на востоке. Куда только не переносит вас ее песня! И в Шотландию, и в Латинскую Америку («Ах, как долго, долго едем, как трудна в горах дорога»). Много было песен о цыганах, но никто, пожалуй, не писал так просто и в то же время так остроумно про молодую молдаванку, которую «посадили на полянку, воспитали, как цыганку...» Никто еще не писал и не пел так о кораблях: «Как по натянутому канату, снова по горизонту они прошли... по краю моря на край земли». В этом заключается удивительная особенность Новеллы Матвеевой. Она относится к своим стихам так же, как, например, ученые, среди которых много любителей ее поэзии, относятся к своей работе. Нет смысла что-либо печатать или сообщать со сцены, если не получен какой-то качественный

новый результат. Поэтому она так дрожит за то, чтобы и образы, и сюжеты в ее песнях были всякий раз новыми.

В «молодых» песнях Новеллы Матвеевой все устремлялось вверх: альпинисты поднимались в высоту, и даже корабли шли «между небом и землей». Сейчас же можно услышать такое: «Липа расцвела у перекрестка; ствол корявый, но цветы ее легки. Книзу, книзу катится повозка...» Мне было грустно, когда я слушал эту песню на ее пластинке, но все-таки «дороги далеки» — звучит в финале.

Новелла Матвеева называет песню «республикой грез», и слову «грезы» она придает его первородный смысл, снимая налет штампа. Это мечты человека, его видения, это богатей-

ший мир его ассоциаций. Но вот что замечательно. Из этих грез рождается, например, такая великая вещь, как надежда, на которой и держится искусство Новеллы Матвеевой. Надежда на самое лучшее, самое высокое, самое благородное, что есть в людях. Поэтому она так самоотверженно сражается с человеческими заблуждениями, как будто держит в руке сверкающую рапиру.

Когда в 60-е годы мы стали переезжать из коммунальных квартир перенаселенной Москвы в новые районы, на место бывших полей и ушедших лесов, — появилась дивная песня Новеллы Матвеевой про новостройку, где было «волшебным все, даже бумажный сор». Она пишет о водосточных трубах старого города: «ах, эти трубы сделали трубочкой губы, чтобы проходимым выболтать тайны домов»,

Новелла МАТВЕЕВА

БРАТЯ-КАПИТАНЫ

